

лов. Автор составил вопросник для сбора сведений о технике изготовления одежды, обработки шкур и т. д. В программе даются общие замечания об одежде, нередко содержащие ценнейшие методические указания.

Программу Н. Ф. Прытковой могут, как нам кажется, с успехом применять в полевой работе не только исследователи народов Сибири, но и специалисты по другим народам нашей страны.

В целом сборник заслуживает самой высокой оценки. Он вводит в научный оборот новые данные по одежде народов Сибири, интересен в методическом отношении и содержит целый ряд важных выводов не только по одежде, но и по другим проблемам этнографии народов Севера, в частности по вопросам энтогенеза.

Вместе с тем хотелось бы выразить пожелание о подготовке и издании монографического труда, посвященного этой теме, в который входили бы статьи, написанные в одном аспекте: или о технике изготовления одежды или с точки зрения исследования одежды как исторического источника. Такая коллективная работа принесла бы неоценимую пользу для развития этнографии Сибири.

Т. Б. Долгих

С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971, 403 стр.

С. М. Абрамзон — крупный этнограф, посвятивший 45 лет неутомимого труда изучению народов Средней Азии. Особенно широко известны его многочисленные исследования по этнографии киргизов, полевую работу среди которых он начал еще в 1926 г. Рецензируемая работа — итог этих многолетних изысканий. По широте охвата темы, тщательной разработанности огромного круга этнографических источников, оригинальности и доказательности выводов книга С. М. Абрамзона, безусловно, принадлежит к числу ценнейших работ по тюркологии.

Монография состоит из 8 глав, в которых представлен весь комплекс историко-этнографических проблем: этническая история, хозяйственный уклад, общественный строй, различные аспекты материальной и духовной культуры народа. Композицию книги можно считать традиционной, особенность же ее — в целенаправленности, которая удачно сформулирована уже в названии книги. Исследование различных явлений этнической истории, быта и культуры автор подчиняет основной задаче: выявлению путей, «по которым шло формирование этнического и культурного облика киргизской народности...» (стр. 8). Для осуществления этого замысла автор широко использовал разработанные в советской этнографии методы исследования, в особенности метод исторической реконструкции хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры народа на основе относительно поздних этнографических данных. Доказательность его реконструкций подтверждается весьма широкими этногеографическими и историко-культурными сопоставлениями, а также умелым привлечением результатов исследований в смежных областях науки.

Концепция автора по этногенезу киргизского народа изложена в гл. I, которая открывается обстоятельным обзором этнографии вопроса и существующих гипотез. Положительно оценив итоги работы этногенетической сессии в г. Фрунзе в 1956 г., участники которой пришли к выводу о центральноазиатском происхождении «по крайней мере одного из основных компонентов» киргизского народа, С. М. Абрамзон вместе с тем отмечает, что «вопрос о более точной локализации центральноазиатского этнического ядра» (стр. 13), а также об этноисторическом соотношении енисейских и Тянь-Шаньских киргизов, остался недостаточно изученным. Вступая в полемику с некоторыми исследователями, ученый высказывает свое критическое отношение как к гипотезе о «глубокой автохтонности киргизов», так и к взглядам, сводящим этногенез киргизского народа «к переселению каких-то „потоков“ или „массивов“ киргизских племен с весьма отдаленных территорий на Тянь-Шань» (стр. 17). Проводя собственные исследования в области происхождения киргизов, С. М. Абрамзон акцентирует внимание на вопросах, поддающихся решению с помощью данных о родоплеменном составе, этнической территории, истории формирования этнического состава и др.

Реконструкция С. М. Абрамзоном чрезвычайно сложного этнического состава киргизского народа в XIX — начале XX в. опирается на факты, полученные преимущественно в процессе полевых исследований. Корреляция систематизированного материала с недавно выявленными письменными источниками привела автора к убедительному выводу о том, что родоплеменный состав киргизской народности, включающий три крупные группировки (правое крыло, левое крыло и часть племен — *ичкилик*), в главных чертах стабилизировался в XVI в. По словам автора, «это не могло произойти далеко за пределами той территории» (стр. 27), где современных киргизов застают достоверные письменные свидетельства.

Особенно ценной частью исследования С. М. Абрамзона является анализ этнического состава киргизов в диахронии. Важно отметить, что, устанавливая многочисленные

параллели в этнонимии киргиз, казахов, кочевых узбеков, алтайцев, хакасов, монголов и других, ученый подчеркивает, что кристаллизация этнических компонентов, в конечном итоге образовавших киргизскую народность, происходила «в не слишком отдаленные времена» (стр. 36). Это верно. Этнические процессы, приведшие примерно в XV—XVI вв. к сложению большинства современных тюркских народов, активно протекали в V—XV вв.

В родоплеменном составе киргизов С. М. Абрамзон выделяет три «пласта». По этнонимам, вошедшим в эти пласты, можно судить о важнейших этапах этнической истории киргизского народа. К первому пласту, датируемому VI—XI вв., принадлежат этнонимы, связанные с кругом древнетюркских и раннесредневековых тюркских племен: *тёёлес*, *мундуз*, *кыпчак*, *канглы*, *кышчу*, *арык*, *уйгур*, *бугу*, *азык* и др. Научный уровень проводимых С. М. Абрамзоном этнонимических сопоставлений весьма высок. Используя сообщения восточных источников, а также новейшие данные исторической географии и лингвистики, он устанавливает этногенетические связи киргизских родоплеменных образований первого пласта с тюркскими племенными объединениями I тысячелетия н. э., т. е. с древними тюрками, уйгурами, тюркешами, с восточной приалтайской ветвью кыпчаков и др. Важным представляется вывод С. М. Абрамзона об участии кыпчакского компонента, уже на ранней стадии формирования киргизской народности.

Второй пласт включает этнонимы, появившиеся у киргизов в XII—XIV вв. и связанные с киданьским и монгольским вторжениями на территорию Киргизии. Родоплеменные образования второго пласта (*нойгут*, *баргы*, *коңурат*, *баарын*, *катаган*, *найман*, *керейит*, *меркит* и др.), по заключению С. М. Абрамзона, могли быть как монгольского, так и тюркского происхождения. В эту эпоху, по мнению автора, созревают некоторые исторические условия, давшие толчок начавшемуся процессу консолидации киргизской народности.

Этнонимы третьего пласта ученый относит к XV—XVIII вв., когда окончательно сложился современный этнический облик киргизской народности. К этому периоду в составе киргизов появляются группы, по терминологии автора, «казахско-ногайские происхождения» (*чекир-саяк*, *джетиген*, *колпоч* и др.), а также смешанного монгольско-тюркского происхождения (*моңолдар*, *черик* и др.).

На фоне установленной С. М. Абрамзоном исторической последовательности включения тех или иных компонентов в этнический процесс формирования этнической общности киргизов — его выводы по ряду дискуссионных или нерешенных вопросов этногенеза этого народа приобретают значительную доказательную силу. В этническом составе киргизов достаточно четко выделяются центральноазиатские (тюркоязычные и, отчасти, монголоязычные) и местные среднеазиатские (в т. ч. казахско-ногайские) компоненты. Касаясь территории, в пределах которой происходило формирование раннего компонента, С. М. Абрамзон находит подтверждения этногенетическим и историко-культурным связям киргизских племен с древним и средневековым населением Саяно-Алтайского нагорья, особенно Алтая, а также Восточного Тянь-Шаня и Притяньшанья (главным образом территории Джунгарии и Кашгарии). В связи с принципиальной новизной решения, доказательству восточных связей киргизского этноса С. М. Абрамзон уделяет особое внимание. Достоверные данные письменных источников (в том числе тибетских), исследования лингвистов (автор ссылается на работы С. Е. Малова), а также исторические предания и этнографические параллели подтверждают вывод о расселении киргизских племен в прошлом на востоке «вплоть до местностей, примыкающих к Тибету и Кашмиру» (стр. 57). Новые материалы заставляют автора критически оценить традиционную гипотезу о генетической преемственности тянь-шаньских киргизов от енисейских кыргызов. «Древнекыргызские племена Енисея», — пишет С. М. Абрамзон, — не стали «этническим ядром киргизской народности», «хотя их потомки, по-видимому, принимали участие в этногенезе киргизов» (стр. 60). «Этим ядром могли стать (рядка наша — Р. К.) прежде всего тюркоязычные племена южной окраины объединения кочевых племен, носившего название „кыргыз“» (стр. 61), и продвинувшиеся в первой половине II тысячелетия н. э. на территорию современной Киргизии с востока. Приходится сожалеть, что начатая автором историческая реконструкция этой темы дана в книге фрагментарно, и поэтому приводимая им аргументация не всегда убедительна. Хотя положение о роли этой линии связей в киргизском этногенезе сформулировано достаточно осторожно, оно, очевидно, внесет новый аспект в дискуссию о сложном процессе формирования киргизского народа.

Правомерно уделить основное внимание разработке наиболее сложных и дискуссионных вопросов этнической истории киргизов, С. М. Абрамзон не до конца раскрыл поздние, казахско-ногайские линии этногенетических связей.

На наш взгляд, главу по этнической истории следовало сопроводить картой, а также дать графическое изображение тамг, описание которых С. М. Абрамзон удачно использовал для аргументации своих идей.

Каждая из последующих глав исследования имеет, с одной стороны, самостоятельное значение, так как посвящена по существу изучению различных сторон жизни киргизского народа, с другой — является органической частью целого и в этом смысле развивается дальше взгляды автора на этногенез киргизов.

Глава «Хозяйственный уклад» включает разделы о скотоводстве, земледелии, охоте и домашних промыслах. Определение хозяйственного уклада ряда тюркских народов на рубеже XIX—XX вв. как комплексного стало традицией в этнографической литера-

туре. Однако в оценке удельного веса тех или иных занятий на разных этапах истории тюркских народов в последнее время существуют заметные расхождения, связанные главным образом с преувеличением роли земледелия. Предпринятое С. М. Абрамзон исследование хозяйственных укладов в их историческом развитии, детальный анализ способов и техники ведения различных видов хозяйства с широкими сравнительно-историческими экскурсами позволили ему воссоздать объективную картину формирования комплексного хозяйства киргизов. Автор показал, что у киргизов в XIX — начале XX вв. преобладало полукочевое скотоводческое хозяйство, в котором наблюдались колебания как в сторону более «чистого» кочевничества, так и к большей степени оседлости (стр. 109). В полном соответствии со своей концепцией этногенеза киргизов С. М. Абрамзон показывает, что в их хозяйстве получили развитие традиции древних обитателей края, более поздних выходцев из Южной Сибири и Центральной Азии, а также народов Средней Азии и Казахстана.

Глава «Материальная культура» также состоит из трех разделов: «Поселение и жилище», «Одежда», «Пища». В сравнительно небольшой по объему главе С. М. Абрамзон дал общую характеристику материальной культуры киргизов и локальных ее особенностей, детально обрисовал наиболее характерные ее стороны, определил основные этапы исторического развития киргизского жилища и одежды. Автор с успехом проследил этногенетические и историко-культурные связи киргизского народа. В киргизской материальной культуре, по наблюдениям автора, отложился мощный пласт, отражающий тесные исторические и культурные связи киргизов с народами Средней Азии и Казахстана, но в то же время многочисленные факты «свидетельствуют об имеющих большую древность этногенетических и историко-культурных связях киргизов с народами Саяно-Алтая, Монголии, Восточного Туркестана, а также притибетских районов» (стр. 154).

Надо признать удачным стремление автора дифференцировать общие или заимствованные этнографические явления от явлений стадийных, коренящихся в одностипности форм производства ряда народов.

Общественному строю, браку и семье киргизов посвящены гл. IV и V. В монографии обобщены многолетние исследования автора и внесено немало нового в соответствии с основными задачами работы. Опираясь на существующую периодизацию социально-экономической истории древних и средневековых тюрков, С. М. Абрамзон относит «окончательное сложение» феодального строя у киргизских племен к периоду «не позднее конца I тысячелетия н. э.» (стр. 155). Это положение надо признать верным в той мере, в какой общественный строй населения тюркских и монгольских конфедераций рубежа I и II тысячелетий н. э. можно назвать феодальным. Вероятно, будущие исследования внесут уточнение в наметившуюся в последнее время во многих работах тенденцию «удревнить» время сложения у тюркских и монгольских племен феодального строя.

С. М. Абрамзон сосредоточивает внимание на анализе патриархально-феодальных отношений в киргизском обществе XIX в. Общая характеристика патриархально-феодальных отношений возражений не вызывает: они существовали и развивались в условиях кочевого и полукочевого скотоводства; им свойственны особенности, характерные ранним формам феодальных отношений, которые составляли их основу и переплетались с остатками и пережитками «дофеодальных, патриархально-родовых, общинных отношений» (стр. 156). Основой патриархально-феодальных отношений у киргизов была феодальная собственность на землю. Би и манапы «присвоили себе право распоряжаться» пастбищами и другими землями киргизских племен и родов, собственность которых теперь стала «юридической фикцией» (стр. 156, 157).

Несмотря на распространенность после Ташкентской сессии 1954 г., посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, положения о земельной «узурпации», приходится усомниться в том, что этот тезис, основанный на теории насилия, в состоянии объяснить возникновение феодальной земельной собственности, тем более ее «монополии» в киргизском обществе (равно как и в других). Если тезис о том, что феодальная рента есть прежде всего земельная рента, остается неизбыточным, то проблеме возникновения и развития феодального землевладения у бывших кочевников предстоит еще исследовать. В то же время общинное землевладение (в любой форме) даже в начале XX в., видимо, еще не совсем стало «юридической фикцией», и именно оно имело реальное значение в системе патриархальных общественных отношений киргизов.

С. М. Абрамзон совершенно правомерно придает принципиальное значение изучению структуры родоплеменной организации кочевников для исследования их общественного строя, так как, по его мнению, в многоступенчатой и подвижной структуре родоплеменной организации кочевников действительно кроется немало специфических черт их общественного строя.

Развернутую характеристику С. М. Абрамзон дает мелким родовым подразделениям (или семейно-родственным группам) в родоплеменной структуре киргизов. Именно они, по мнению автора, были теми «остаточными формами родоплеменной организации», «в основе которых лежали принципы известной общности экономической жизни» (стр. 181) и которые в XIX в. были главными носителями патриархально-родовых традиций в патриархально-феодальном обществе. В генетическом отношении мелкие родовые подразделения, были, по мнению С. М. Абрамзона, «своеобразными пережитками патриархальных семейных общин» (стр. 181), «последней стадией большесемейных органи-

заций» (стр. 184). Утверждение С. М. Абрамзона о существовании в прошлом у кочевников больших патриархальных семей отрицать не приходится. Однако для характеристики патриархально-феодальных отношений в киргизском обществе XIX в. вопрос о больших семьях определяющего значения не имеет, так как их количество было невелико, а в системе общественных отношений главную роль играли родовые подразделения, состоявшие из малых семей, а также земельные общины, как пишет автор. Вопрос о больших патриархальных семьях и генезисе родовых подразделений приобретает принципиальное значение с точки зрения социально-экономической истории средневековых кочевников. Представляется конструктивной высказанная, но не развернутая С. М. Абрамзоном мысль о том, что родоплеменная структура кочевников в том виде, в котором с ней знакома этнографическая наука, сложилась в так называемые «героические времена» и лишь очень приближенно отражает былой родоплеменной строй. Сложилась она, вероятно, в I тысячелетии н. э. и отразила военно-демократический этап истории кочевников, сочетавший в себе общинный принцип во владении земель и принцип частной собственности на скот и другое имущество. Большие патриархальные семьи, будучи действительно древними институтами в среде кочевников и их предков, в новой военно-демократической структуре общества должны были утратить реальные функции. В родоплеменной организации кочевников низшее звено (родовое подразделение) несло в себе все или почти все функции семейной патриархальной общины.

Детальная характеристика семейно-брачных отношений, взгляды С. М. Абрамзона на происхождение и развитие норм брака, свадебной обрядности, взаимоотношений в семье и т. д. несомненно привлекут внимание историков и этнографов, так как помогут глубже понять: социальную жизнь киргизского народа, а также его этногенетические и историко-культурные связи. Выделив в семейно-брачных отношениях древние и более поздние явления, определив их связь с развитием социально-экономического строя, С. М. Абрамзон вплотную подошел к созданию истории киргизской семьи.

Религии и культам киргизов посвящена глава VI. В ней читатель найдет материалы об исламе, древнем культе матери Умай, реликтах тотемистических представлений, культе природы, о пережитках фетишизма, шаманском культе и т. д. Полемизируя со сторонниками ранней исламизации киргизов, С. М. Абрамзон приводит убедительные доказательства массового распространения ислама в Киргизии не ранее второй половины XVII—XVIII вв. Это очень важный тезис, имеющий прямое отношение к пониманию всей совокупности религиозных воззрений киргизов. Отметив характерный для киргизов религиозный синкретизм, автор представляет богатый материал, показывающий причудливое переплетение в их религиозном сознании древних и более поздних верований, суеверий и представлений. На основании имеющихся данных С. М. Абрамзон показал историко-культурные связи киргизов с народами Средней Азии, Алтая и Центральной Азии. Особенно интересны и доказательно установленные по материалам религии этногенетические связи киргизов с древнетюркскими племенами.

Главы VII и VIII посвящены устному поэтическому творчеству и народному искусству киргизов. Народное творчество и искусство рассматриваются в тесной связи с хозяйственными занятиями, а также в этногенетическом и историко-культурном аспектах. Особое внимание автор уделит исследованию эпоса «Манас». Он приходит к выводу, что корни этого эпического произведения уходят в Монголию, Туву, на Алтай, в минусинские степи и Восточный Туркестан, хотя одновременно обнаруживаются отчетливые связи с эпосом народов Средней Азии и Казахстана. По мнению автора, дальнейшее исследование тюркских и монгольских эпических произведений позволит обнаружить глубокие этногенетические и этнокультурные связи между народами расселившимися на огромной территории от Центральной Азии до Волги и Северного Кавказа. Интересен также вывод С. М. Абрамзона о том, что несмотря на присутствие в эпосе «Манас» древнейших (в т. ч. мифологических) сюжетов как «общенародный» (стр. 369), он сложился в XIII—XVII вв., т. е. в эпоху формирования самой киргизской народности.

В целом новое исследование С. М. Абрамзона заслуживает самой высокой оценки. Присутствие в нем некоторых спорных положений лишь обогащает книгу и повышает ее научную значимость, поскольку автор стремится высказать собственное мнение по самым сложным проблемам этнической, социально-экономической и культурной истории киргизов. Монография — крупный вклад в изучение этнографии тюркских народов в целом. Внимание читателей несомненно привлечет и принятая в исследовании методика, характернейшей особенностью которой является последовательное и строгое осуществление принципа историзма при изучении этнографических явлений.

Р. Г. Кузеев